

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-11-25

А.В. Черепанов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Реформирование Рабоче-крестьянской Красной Армии в контексте внутрипартийных дискуссий 1925–1930 гг.

В статье прослежено влияние политических установок советского руководства на реорганизацию Красной армии после окончания Гражданской войны. Цель статьи – выявить комплекс внутрипартийных противоречий в партии большевиков, сказавшихся на реорганизации Красной армии в 1920-е гг. Автор приходит к выводу, что разные взгляды фракционеров на формирование армии, организацию военного аппарата, мероприятия по укреплению обороны страны были обусловлены их идеологическими воззрениями. Борьба за единство партийных взглядов в какой-то момент приняла обостренный характер и вылилась в кадровый террор. Именно политический, а не военный аспект выдвинут автором в качестве фактора военной катастрофы, постигшей Красную армию в начальный период Великой Отечественной войны летом 1941 г.

Ключевые слова: Красная армия, реформы Красной армии, внутрипартийная борьба в РКП(б), внутрипартийная борьба в ВКП(б), советская военная наука 1920-х гг., военные специалисты в РККА, политическое руководство Красной Армии, теория глубокого боя

© Черепанов А.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Черепанов А.В. Реформирование Рабоче-крестьянской Красной Армии в контексте внутрипартийных дискуссий 1925–1930 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 11–25. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-11-25

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-11-25

A.V. Cherepanov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The reform of the Red Army in the 1920s in the context of the internal party struggle in the Soviet government

The article traces the influence of the political attitudes of the Soviet leadership on the reorganization of the Red Army after the end of the Civil War. The purpose of the article is to identify a complex of internal party contradictions in the Bolshevik party that affected the reorganization of the Red Army in the 1920s. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the internal party struggle and the different views of factionalists on the formation of the army, the organization of the military apparatus, and measures to strengthen the country's defense are due to their ideological views. The struggle for the unity of party views at some point took on an acute character and resulted in personnel terror. It is the political, not the military, aspect that the author puts at the forefront and puts forward as a factor in the military catastrophe that befell the Red Army in the early period of the Great Patriotic War in the summer of 1941.

Key words: reorganization of the Red Army in the 1920s, Stalinist opposition, internal party struggle in the RCP(b), internal party struggle in the VKP(b), Soviet military science of the 1920s, military specialists in the Red Army, deep combat theory

FOR CITATION: Cherepanov A.V. The reform of the Red Army in the 1920s in the context of the internal party struggle in the Soviet government. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 11–25. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-11-25

Внутрипартийные дискуссии, развернувшиеся во второй половине 1920-х годов, касались довольно широкого спектра экономических, политических и идеологических проблем, связанных с дальнейшим развитием СССР. Однако далеко не последнее место в данных дискуссиях занимало обсуждение вопросов дальнейшего развития вооруженных сил страны. Примечательно и то, что при обсуждении военных вопросов гораздо большее значение приобретали не сугубо военные, но партийно-политические цели.

Проблемы внутрипартийных дискуссий в отношении военного строительства не получили еще должного отражения в историографии. Исследователи пока недостаточно изучили политические предпочтения инициаторов преобразований в Красной армии в 1920-е гг., а также, что не менее важно, влияние политических представлений на военно-теоретическую мысль.

С.В. Мошкин в статье «Военные марксисты против Троцкого» оценивал взгляды бывшего Председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого на организацию армии и указывал на недооценку им принципов стратегической обороны. Автор отмечал недостатки командования РККА в отношении разработки тактики вывода из окружений крупных войсковых сил с последующим нанесением контрудара по наступающему противнику. Оценивая характер дискуссий, которые вели «военные марксисты», исследователь сосредоточился преимущественно на военных вопросах, а политический подтекст во внутрипартийной борьбе не был исследован [5].

Характер военной реформы 1924–1925 гг. и программу Троцкого по переходу на милиционную систему рассматривал военный историк Ю.Г. Красных. Исследователь указал на переоценку Троцким возможностей формирования частей Красной армии по милиционному принципу, сосредоточив внимание на комплексе предпринятых в рамках реформы мероприятий по переводу армии с революционного фронта на трудовой [4]. Но автор не отразил политических мотивов, в соответствии с которыми принимались важнейшие решения, сыгравшие свою роль в развитии советских вооруженных сил.

Следует отметить, что сама военная реформа 1924–1925 гг., связанная с именем М.В. Фрунзе, подробно изучена советскими историками.

В этом отношении не потеряла своей актуальности работа И.Б. Берхина. Привлекая широкий круг источников, автор показывает особенности реформы, не только ее техническое содержание, но и политическое значение для армии [1]. Однако политический аспект затронут косвенно, исследование более посвящено оценке военного потенциала реформы.

Работы современных историков, в которых отразились политические проблемы, связанные с военными преобразованиями, представлены трудами военного историка Н.С. Черушева. В его монографии «Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг.» проанализирована деятельность военной оппозиции в Белорусском военном округе, предпринята попытка выявления характера взаимоотношений командиров и политработников, рассмотрены дискуссии по военным и политическим вопросам на заседаниях партийных комиссий [7]. Автор проводит исследование на основе значительного фактического материала, но рассматривает лишь повседневную жизнь Красной армии, не принимая во внимание внутривнутрипартийную борьбу.

Другое ценное с историографической точки зрения исследование сделано Н.С. Тарховой. В своей работе «Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 г.» она оценивала степень вовлечения Красной армии в осуществление политики коллективизации. Учитывая «эхо внутриармейской оппозиции» и обобщив значительный фактический материал, автор смогла указать на своеобразный идеологический раскол между командирами и комиссарами в большей степени по политическим, а не по военным вопросам. Именно политический подтекст выведен ею в качестве основного критерия необходимости привлечения армии к коллективизации [6]. Но при этом автор не рассматривает внутривнутрипартийные дискуссии в отношении Красной армии. В монографии на первый план выдвинуты конкретные персоналии, т.е. кадровый контекст.

Политические мотивы, которыми руководствовались реформаторы советских вооруженных сил, продолжают интересовать современных исследователей, однако до сих пор большое внимание было приковано к отдельным личностям и их идеям по укреплению обороны страны, без учета приверженности к тому или иному внутривнутрипартийному лагерю. Следует помнить, что именно политика оказывала влияние на развитие многих общественных сфер и непосредственно касалась самых различных аспектов существования Красной армии.

Источники по исследуемой проблеме представлены документами официального характера, прежде всего материалами партийных совещаний. Острые внутривнутрипартийные дискуссии, развернувшиеся по ключевым политическим вопросам, отражены в стенографических отчетах

партийных съездов ВКП(б), в частности, в отчетах XIV¹ и XV² съездов. Стенограммы совещаний отражают отношение к внутривнутрипартийной оппозиции, по этим источникам удастся определить характер разногласий, обобщить комплекс противоречий, имевшихся в партии к тому моменту.

Примечательно, что XIV съезд ВКП(б), вошедший в историю как «съезд индустриализации» 1925 г., поставил задачу укрепления обороноспособности страны. В этом контексте была важна оценка внутрипартийной борьбы в понимании И.В. Сталина, для которого опасность проявления оппозиционных настроений могла привести к ослаблению не только партийного влияния, но и к снижению военного потенциала всей страны.

В своей речи на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном X годовщине Красной армии, Сталин сделал акцент на роли партийного воспитания в армии, говорил о ее интернационализме, о рабоче-крестьянском характере и сделал это сознательно³. В 1928 г. с должности начальника Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева был снят Я.Л. Берман. Он, выступая на общепартийном собрании в академии, противопоставил командиров политработникам-комиссарам, что могло считаться причиной серьезного раскола не только в партийной, но и в армейской среде. В связи с этим высказанные Сталиным идеи оказались важны в отношении демонстрации противостояния фракционеров генеральной линии партии.

Весьма информативными источниками оказались труды людей, составлявших партийную элиту СССР. Так, в работе Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» излагались взгляды на государственное устройство с точки зрения развития экономики и производительных сил, но без внимания не остался и вопрос организации армии⁴. Примечательно, что политик, не имевший военного образования, рассуждал об организации военного аппарата с учетом хода мировой истории и постепенного усложнения экономических отношений. Внимание Бухарина к военным вопросам обусловлено было больше политическим, чем профессиональным интересом.

¹ Стенографический отчет. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года. М., 1926.

² Стенографический отчет. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. М.; Л., 1928.

³ Сталин И.В. Собр. соч. Т. 11. М., 1949.

⁴ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920.

То же самое прослеживалось в работе К.Б. Радека «Война польских белогвардейцев против Советской России». С его точки зрения вопросы организации Красной армии были связаны с идеологическими целями возможной будущей войны⁵. Радек допускал перспективу мировой революции, и в его представлении именно с помощью Красной армии следовало ее осуществить. Взывая к национальному самосознанию советского народа, указывая на силу духа пролетариата, возвеличивая его, Радек позиционировал себя не только как идеолога, вдохновителя мировой революции, но и военного специалиста. Непредвзятому читателю было видно, что военный аспект оказался обусловлен идеологическим концептом.

Не стала исключением и работа Г.Е. Зиновьева «Армия и народ», в которой предлагались меры изменения кадровой политики в Красной армии⁶. Для Зиновьева характер организации армии, ее материально-техническое обеспечение, тактическая подготовка представлялись формальными моментами, более важным становился политический аспект. Ссылаясь на партийные принципы, Зиновьев считал армию частью мировой политической конъюнктуры, указывая на перспективу экспорта будущей революции. При таком подходе армия есть лишь способ распространения революционных идей, она не может существовать без революционной борьбы и существует только ради нее.

Такого рода источники не лишены присущего их авторам субъективизма. Но источниковедческий анализ работ, написанных непрофессиональными военными, позволяет выделить политический подтекст на фоне военных преобразований, предпринятых советским правительством.

Упомянутые выше источники составляют основу данной статьи. Основной целью статьи является, таким образом, анализ внутривнутрипартийных дискуссий по вопросам реорганизации РККА во второй половине 1920-х гг. Для достижения данной цели представляется необходимым: охарактеризовать комплекс мер, направленных на техническое переоснащение армии; дать оценку уровню развития отечественной военной мысли к концу первого десятилетия советской власти, отметить специфику содержания разногласий в отношении военно-политических проблем в СССР.

Проблема военного строительства была тесно связана с проблемой внешнеполитического курса СССР второй половины 1920-х гг. Следует

⁵ Радек К.Б. Война польских белогвардейцев против Советской России: (Доклад на Собрании агитаторов моск. организаций К.П. 8/V 1920 г.). М., 1920.

⁶ Зиновьев Г.Е. Армия и народ: Советская власть и офицерство. Пг., 1920.

отметить, что уже в середине десятилетия в партии не существовало полного единства в отношении «наступательного» или «оборонительного» характера предполагаемых боевых действий в Европе и Азии.

Высшее партийное руководство СССР не было склонно к тому, чтобы остаться на позициях исключительно оборонительного характера будущей войны, основанной, в частности, на создании глубокоэшелонированной и развитой в инженерном отношении системы укреплений. Более перспективной считалась концепция подвижной, мобильной обороны с расчетом на последующий переход в наступление посредством нанесения контрударов по коммуникационным линиям противника. Именно на этом был сделан акцент в теории «глубокого боя», разработка которой началась в конце 1920-х гг.

Данная теория нашла поддержку среди таких военных специалистов, как В.К. Триандафиллов, Г.С. Иссерсон, М.Н. Тухачевский, К.Б. Калининский, Е.А. Шиловский, С.Н. Амосов, А.Н. Лапчинский, А.И. Седякин, С.М. Белицкий. Эта теория в какой-то степени была возрождена послевоенным поколением руководителей вооруженных сил СССР. Так, например, маршал Советского Союза М.В. Захаров, будучи на штабной работе в Белорусском военном округе в период с 1928 по 1936 гг., в своих мемуарах высоко оценивал организующую роль партии и советской идеологии в создании соответствующей тогдашним условиям передовой военной теории: «Мне кажется, что поиски конкретных авторов этой теории бесплодны. Теория глубокого боя, основанная на марксистско-ленинской методологии и богатейшем опыте гражданских и других войн, опиравшаяся на новую материально-техническую базу социалистического государства и военную доктрину, вытекающую из политики Коммунистической партии, была выдвинута самой жизнью»⁷.

Выступая на торжественном пленуме Московского Совета, посвященном X годовщине Красной армии, И.В. Сталин отвел партии ключевую роль в воспитании кадров Красной армии: «Партия гордится, что ей удалось создать с помощью рабочих и крестьян первую в мире Красную армию, в величайших битвах отстаивающую и отстаившую свободу рабочих и крестьян»⁸.

Армия становилась своеобразным «полигоном» для апробации идей, предлагаемых различными политическими группами, а грань между сугубо военными и политическими вопросами нивелировалась. Председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев по этому поводу недвусмысленно заметил: «Я думаю, наш командный состав должен уяснить

⁷ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.

⁸ Сталин И.В. Собр. соч. Т. 11. М., 1949.

себе основную мысль нынешнего нашего правительства: нигде и никакая армия не стояла и не может стоять вне политики»⁹. Такое включение армии в борьбу идей в случае войны могло стать очень опасным, но представители разных внутрипартийных блоков не видели в этом угрозу боеспособности Красной армии и безопасности советского государства в целом.

Переход к смешанной системе организации вооруженных сил в ходе военной реформы 1924–1925 гг. был вынужденной мерой. Введение территориально-милиционной системы, предложенной М.В. Фрунзе, не разрешило само по себе вопрос о характере будущих боевых действий. Переход к обороне подразумевал ведение войны на истощение, а нанесение последовательных контрударов противнику и перенос боевых действий на территорию врага – техническое превосходство над ним. Но в 1920-е гг. еще не окрепшее советское государство не могло продолжительное время обеспечивать Красную армию необходимыми ресурсами, а тем более дать ей современную технику.

Так или иначе, очередная военная агрессия в отношении СССР представлялась неизбежной. Это прогнозировал, в частности, советский экономист Н.Д. Кондратьев в своей теории экономической конъюнктуры. В частности, ученый отмечал: «Представляется гораздо более правдоподобным допустить, что войны возникают на почве повышения темпа и напряжения хозяйственной жизни, обострения экономической борьбы за рынки и сырье» [3]. Советское государство требовало неотложных мер по укреплению обороноспособности и развитию промышленности, стабилизации цен, освоению новых месторождений и заготовке ресурсов на случай военного столкновения с другой страной или коалицией стран-агрессоров. Председатель Высшего совета народного хозяйства СССР А.И. Рыков обращал внимание на неизбежность кризиса в снабжении армии в случае отставания производства от военных нужд: «Если вы имеете тысячную армию и одну пару обуви, то как бы вы не распределили обувь, вы, несмотря ни на что, будете иметь обувной кризис»¹⁰.

Многие аспекты советского военного искусства уходили своими корнями в идеологию марксизма, а технический аспект развития вооруженных сил подразумевал наличие современных видов вооружения, крупнейших предприятий, способных выпускать в необходимом количестве продукцию для нужд армии. Так Н.И. Бухарин рассуждал о нуждах обороны, исходя из представлений о войне и государстве с исторической

⁹ Зиновьев Г.Е. Армия и народ: Советская власть и офицерство. Пг., 1920.

¹⁰ Рыков А.И. Избранные произведения / Сост., авт. предисл. А.В. Клименко, В.В. Радаев. М., 1990.

точки зрения. Он проводил параллель между уровнем развития промышленности и характером войны: «Каждая производственная структура имеет адекватный тип государственной власти, а, следовательно, и адекватный тип войны. Здесь нас интересует не технически-организационная сторона военного дела (хотя, и она определяется общими техническими и экономическими условиями). Здесь нас интересует социальное значение этого явления»¹¹.

Резкая критика «оборончества» и территориально-милиционной системы организации армии в конце уже следующего десятилетия, 1930-х гг., имела истоки в политическом противостоянии между троцкистами и сталинистами. Будучи непримиримыми идеологическими оппонентами, приверженцы этих лагерей отвергали любые идеи, в которых усматривали возможность для своих соперников перехватить инициативу на ключевых руководящих постах, даже если это ставило под угрозу оборону страны и снижало уровень жизни населения. В военной среде троцкизм ассоциировался с «оборончеством», вооруженным народом, сочетанием в армии боевых и трудовых задач, преклонением перед «старой школой», излишней ученостью, академизмом и позерством.

Другой, не менее важной проблемой, чем соотношение «оборонительной» и «наступательной» стратегии и тактики, становилась во второй половине 1920-х гг. проблема социального состава РККА.

И.В. Сталин верил в возможность прочной связи пролетариата и крестьянства, поэтому построенная Красная армия была для него армией защиты, она не являлась армией исключительно пролетариата, который должен был перебросить «революционный пламя» на другие страны. Социализм предстояло строить в отдельно взятой стране – СССР. Но эту точку зрения разделяли не все, многие фракционеры еще верили в возможность мировой революции и смотрели на армию как на транслятор мирового «революционного пожара».

Стоявший во главе военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева Я.Л. Берман писал: «Принцип комплектования Красной армии только трудовыми слоями населения – самый существенный и основной признак Красной армии, делающий ее вооруженной армией труда»¹².

Секретарь Исполкома Коминтерна, сотрудник газет «Правда» и «Известия» Карл Радек, освещая ход боев советско-польской кампании, давал собственную оценку организации сил Красной армии: «Красная армия, как бы она ни устала, как бы ни было ее законное желание мира, –

¹¹ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920.

¹² Берман Я.Л. Основные вопросы теории пролетарского государства. М., 1924.

является армией крестьянства, во главе которой стоят рабочие, она является армией, которую мы во имя интересов и крестьянства, и рабочих сумели организовать, которая сумела сражаться за интересы Советской России»¹³. Радек ставит создание Красной армии в заслугу партии, указывает на классовый принцип ее организации – один из ключевых ленинских тезисов об организации советских вооруженных сил. В своих идеологических оценках Радек был не одинок.

Роль партии в организации социального состава Красной армии отмечал и В.А. Антонов-Овсененко: «Лишь постепенно советская власть овладела своей армией. И когда она овладела ею вполне, эта армия стала способна не только на кратковременные подвиги, часто не имевшие последствий, а и на длительные военные кампании, дающие решительные результаты. Враг не давал нам возможность спокойно заняться реорганизацией наших сил и их обучением. Учебу красная армия проходила прямо в бою»¹⁴.

Именно стихийность формирования боевых частей Красной армии, ее военный аппарат, опирающийся поначалу не столько на военную науку, сколько на идеологию, позволил историкам в дальнейшем говорить о Красной армии как о рожденной в боях. Создание Красной армии, приписываемое партии в целом, а не конкретным людям, являлось важной чертой политической борьбы.

Но вмешательство партийных руководителей, политиков, экономистов, журналистов в военные вопросы могло дезориентировать военных специалистов. Нельзя говорить, что советская военная наука даже в первые годы существования Красной армии была примитивна. Боевой опыт, полученный в ходе боев Первой мировой и Гражданской войн, представлял собой хорошую базу для анализа, без внимания теоретиков не оставалась и советско-польская кампания 1919–1921 гг. Однако в этих вопросах политика нередко опережала стратегию.

Постепенно преуменьшая роль Л.Д. Троцкого в создании РККА, а затем и вовсе сведя ее на нет, многие партийные деятели стремились таким образом обезопасить себя от обвинений в приверженности к троцкизму. А Радек и Антонов-Овсененко считались сторонниками Троцкого.

Уже на XIV съезде ВКП(б) троцкистский блок был поставлен под удар всеми остальными партийцами. Открывая заседание, А.И. Рыков произнес: «Мы вступили в новую эпоху – эпоху строительства. Эта эпоха выдвигает ряд новых вопросов, которые конечно же нельзя решить без споров. Наша партия пережила дискуссию с троцкизмом.

¹³ Радек К.Б. Война польских белогвардейцев против Советской России: (Доклад на Собрании агитаторов моск. организаций К.П. 8/у 1920 г.). М., 1920.

¹⁴ Антонов-Овсененко В.А. Строительство Красной армии в революцию. М., 1923.

В этой дискуссии партия обнаружила заключительную зрелость и сплоченность своих рядов»¹⁵.

Когда в 1928 г. принудительно отправленный в ссылку в Алма-Ату Троцкий был уже политически нейтрализован, его немногочисленные сторонники также были удалены со всех руководящих постов.

На XV съезде ВКП(б) по троцкизму был нанесен окончательный удар. Один из ближайших сталинских соратников Серго Орджоникидзе заявил в речи о пагубном влиянии троцкистов на политический курс страны: «Оппозиция в области идеологической доходит до отрицания возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, отрицания социалистического характера нашей государственной промышленности, отрицания социалистических путей развития деревни в условиях пролетарской диктатуры и политики союза пролетариата с основными массами крестьянства на базе социалистического строительства»¹⁶.

Взгляды Троцкого объявлялись вредными и немарксистскими ввиду недооценки им крестьянства как боевой силы. Троцкий видел боевым ядром только пролетариат, а крестьянству отводил второстепенную роль: «Мы хотим сказать, что Красная армия, которая существует сейчас, не есть какой-то самодовлеющий организм, который существует сам для себя и издает законы. Это есть только орган рабочего класса, его вооруженная рука»¹⁷. Позднее в своих мемуарах Троцкий попытается оправдать свое невнимание к крестьянству в армии и его недооценку как боевой силы, но за ним навсегда закрепится клеймо «оборонца», вредителя и пораженца. В армейской среде после изгнания Троцкого из СССР «троцкизм» будет приравняться к фашизму. Без нападок не останется и приверженность Троцкого к «военспецам», знания и боевой опыт которых он оценивал высоко. Троцкий верил в возможность адаптировать «классово чуждые элементы» и привлекать их по мере необходимости на службу в Красную армию при условии их идеологической переориентации.

Используя знания бывших царских офицеров, перешедших на сторону советской власти, Троцкий планировал создать новые кадры для армии: «В нашей Академии Генерального Штаба обучаются сейчас партийные товарищи, которые на деле, на опыте крови, добросовестно поняли, как трудно это суровое искусство войны, и которые теперь

¹⁵ Стенографический отчет. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года. М., 1926.

¹⁶ Стенографический отчет. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. М.; Л., 1928.

¹⁷ Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XVII. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 1. Первоначальный период организации сил. М.; Л., 1926.

с величайшим вниманием работают под руководством профессоров старой школы»¹⁸. Как известно, на начальном этапе строительства РККА советская военная наука была вынуждена прибегнуть к помощи «военспецов», т.к. собственный комсостав был во многом поначалу некомпетентен. Это касалось даже ключевых вопросов организации обороны, наступления, разведки, связи и снабжения.

Троцкий не усматривал в «военспецх» скрытых врагов, верил в их «полезность» для армии: «Лица, близко стоящие к Академии, сообщили мне, что отношение слушателей к профессорам совершенно не обусловлено политическими мотивами, и наиболее ярких знаков внимания удостоился, кажется, наиболее консервативный профессор»¹⁹. Но, вступив в конфронтацию со Сталиным и проиграв внутривнутриполитическую борьбу, Троцкий и другие фракционеры обрекли на гибель не только себя, но и приверженцев своих идей, своих соратников, тех, кому они покровительствовали во время нахождения у власти. Идеологическое противостояние «троцкистов» и «сталинистов» постепенно подходило к своему завершению в пользу последних.

Еще одним важным элементом дискуссии становилась проблема руководящей роли партийно-политических кадров в РККА. Можно отметить, что А.С. Бубнов, сменивший на посту начальника Политуправления РККА В.А. Антонова-Овсеенко, стремился полностью искоренить любые оппозиционные настроения, указывал на связь армии и партийного аппарата. А.С. Бубнов усматривал в оппозиционности отступничество от ленинских тезисов: «Мы сильны в армии потому, что сильны в партии. А мы сильны в партии не только потому, что мы имеем большевистскую закалку, но потому что над партией развивается красное знамя, на котором написаны основные заветы Ленина»²⁰.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1929 г. «О командном и политическом составе РККА» было отмечено: «Центральный Комитет предлагает политорганам, партийным организациям и партийному составу Красной армии в условиях нынешнего периода с особой последовательностью продолжать воспитание Красной армии, ее командного и красноармейского состава в духе беззаветной преданности Советской власти, величайшей бдительности и классовой непримиримости»²¹. С этого момента судьба т.н. «внутриармейской оппозиции» была предрешена.

¹⁸ Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XVII. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 1. Первоначальный период организации сил. М.; Л., 1926.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бубнов А. С. О Красной Армии. М., 1958.

²¹ Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 1. М.; Л., 1930.

Подводя итог внутривнутрипартийным дискуссиям второй половины 1920-х гг., можно отметить их влияние на характер работы военного аппарата, который развивался согласно установкам генеральной линии партии. Сталин способствовал созданию нового принципа управления, основой которого был его личный авторитет и критиковались любые отклонения от заданного курса построения социализма в одной отдельно взятой стране – в СССР.

Дискуссионные вопросы военного строительства постепенно переставали звучать в «повестке дня». При этом сталинская кадровая политика, обусловленная не только репрессивными методами, но и назначением на ответственные посты по принципу абсолютной лояльности «генеральной линии», приводила высшее руководство Красной армии к инертному состоянию.

Длительная борьба в предвоенные годы между оборонительной и наступательной стратегиями не способствовала своевременной разработке четкого, законченного оперативно-тактического плана действий и во многом оказала негативное влияние на результаты боевых действий в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что дискуссии по реформированию Красной армии в контексте внутривнутрипартийной борьбы развивались по ряду направлений в рамках предлагаемых фракционерами собственных идеологем. Эти направления можно обозначить следующим образом.

Во-первых, дискуссия между Сталиным и Троцким о необходимости формирования трудовых армий и трудового фронта. Она проистекала из разного понимания партийными идеологами роли труда и его организации. Сталин считал нецелесообразным привлекать красноармейцев для помощи народному хозяйству. Будучи прагматиком, он видел основную цель деятельности армии в защите первого в мире пролетарского государства, в то время как Троцкий был сторонником идеи мировой революции. Армия являлась для Троцкого лишь средством, способным перебросить пламя революции на другие страны.

Во-вторых, дискуссия о возможности формирования национальных батальонов в Красной армии. Она проистекала из взглядов большевиков на национальный вопрос. Ключевой фигурой этой дискуссии был Я.Л. Берман, находящийся во власти меньшевистско-оборонческих настроений. Понимая по-своему право наций на самоопределение, Берман считал необходимым формирование национальных батальонов в виду их «комфортности» для представителей национальных меньшинств.

В-третьих, дискуссия о «классовости» Красной армии, в которую были вовлечены практически все фракционеры. Она заключалась

в споре о доминировании пролетариата над крестьянством. И снова позиция Сталина о необходимости баланса между пролетариатом и крестьянством, городом и деревней, фабрикой и колхозом, получила альтернативное понимание у Бухарина, Радека и Бермана. Придерживаясь идеи мировой революции и веря в ее возможность, находящиеся в конфронтации со Сталиным фракционеры предлагали свести к минимуму количество крестьян в армии. Они считали именно пролетариат единственной способной на мировую революционную борьбу единицей. Для Сталина армия являлась Рабоче-крестьянской, и о подобном преобладании не могло быть и речи. В конечном итоге, Сталин был вынужден обеспечить единство партии и единство взглядов, во избежание серьезного раскола и потери власти. Дестабилизация политического равновесия в партии могла привести к расколу уже внутри армии и советского общества. Единственной мерой, позволяющей избежать этого, было, с его точки зрения, физическое устранение всех «инакомыслящих» партийцев. После устранения ряда высокопоставленных партийных деятелей предлагаемые ими идеи были признаны «вредительскими» и надолго преданы забвению. Лишь тайно их могли разделять еще не разоблаченные «враги» советской власти, поэтому дальнейшего развития идеи расстрелянных фракционеров не получили.

Библиографический список / References

1. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925). М., 1958. [Berkhin I.B. *Voennaya reforma v SSSR (1924–1925)* [Military reform in the USSR (1924–1925)]. Moscow, 1958.]
2. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. [Zakharov M.V. *Generalnyi stab v predvoennye gody* [General staff in the pre-war years]. Moscow, 1989.]
3. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002. [Kondratyev N.D. *Bolshie cikli conyunktury i teoriya predvideniya* [Big cycles of conjuncture and the theory of foresight]. Moscow, 2002.]
4. Красных Ю.Г. Л.Д. Троцкий и военная реформа 20-х годов XX века: современный взгляд // Вестник Военного университета. 2008. № 1 (13). С. 139–148. [Krasnykh Yu.G. Leon Trotsky and the military reform of the 20s of the XX century: A modern view. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2008. No. 1 (13). Pp. 139–148. (In Rus.).]
5. Мошкин С.В. Военные марксисты против Троцкого // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 4. С. 84–89. [Moshkin S.V. *Military marxists against Trotsky*. *Political Expertise: POLITEX*. 2012. Vol. 8. No. 4. Pp. 84–89. (In Rus.).]
6. Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М., 2010. [Tarkhova N.S. *Krasnaya armiya i stalinskaya kolektivizatsiya. 1928–1933 gg.* [Red Army and Stalinist collectivization. 1928–1933]. Moscow, 2010.]

7. Черушев Н.С. Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг. М., 2014. [Cherushev N.S. Zhizn voennoy elity. Za fasadom blagopoluchiya. 1918–1953 [The life of the military elite. Behind the facade of well-being. 1918–1953]. Moscow, 2014.]

Статья поступила в редакцию 16.01.2021, принята к публикации 04.03.2021

The article was received on 16.01.2021, accepted for publication 04.03.2021

Черепанов Александр Владимирович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexander V. Cherepanov – post-graduate student at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: aleks.1100@mail.ru